

© 1999 г., ЭО, № 5

Ю.М. Иванов. От первобытности к цивилизации (критика марксистской схемы). М., 1998. 75 с.

Впервые мне приходится рецензировать столь необычно выглядящую книгу: на ней не обозначены ни издатель, ни издательство, нет никаких выходных данных, и, насколько мне известно, автор сам позаботился о том, чтобы книга попала в основные научные библиотеки страны. Но в любой книге важно не оформление, а содержание, и рецензировать следует не только книгу, но и неопубликованную рукопись, если она имеет хождение в научной аудитории и оказывает на нее влияние. Мне представляется необходимым дать рецензию и на эту книгу, тем более что написана она известным ученым, нашим коллегой, профессиональным историком и экономистом, африканистом и востоковедом.

Автор начинает с исторического экскурса, с 1884 г., когда, по его словам, «Энгельс органически вписал в теорию марксизма предложенную Морганом схему исторической эволюции семьи и рода» (с. 1).

Насчет того, насколько эта вписанность была на деле органичной, можно дискутировать, а вот с утверждением Ю.М. Иванова, что «представления о закономерностях перехода от первобытности к цивилизации, почерпнутые из книги Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства", до сих пор так или иначе остаются основополагающими в российской науке» (с. 2), просто никак нельзя согласиться. Если бы содержание книги Ю.М. Иванова сводилось к опровержению этих представлений, то, пожалуй, и говорить было бы не о чем. Но это не так: основное содержание последующих страниц составляют изложение и анализ конкретных данных, почерпнутых из разнообразных этнографических и исторических источников о разных этапах развития «большой семьи», а это по крайней мере имеет смысл обсуждать.

Начинается анализ с наиболее архаичных семейных форм, примером которых для Ю.М. Иванова служат семейные отношения пигмеев *мбути* (*бамбути*), описанные К. Тернбуллом. Однако то, что Ю.М. Иванов считает кровнородственной семьей или хотя бы ячейкой, как это понимал Энгельс, на деле таковой не является. Мбути живут типичными локальными группами, к которым могут примыкать и неродственные семьи, группы делятся или сливаются, семьи переходят из группы в группу. Реально достаточно стабильны только возрастные классы, ибо на них базируется разделение труда, а отчасти также и парные семьи, которые, впрочем, тоже могут распадаться достаточно легко.

Все черты, которые Ю.М. Иванов выделяет, основываясь на материалах Тернбулла, как характерные для ранних, архаичных семейных отношений, достаточно типичны для большинства неоседлых охотников-собирателей и, видимо, универсальны, хотя, скажем, между семейным бытом мбути и бытом австралийских аборигенов имеются существенные различия.

В дальнейшем в рассматриваемой книге речь идет только о семейных структурах, связанных с производством хозяйством, и страницы, посвященные обычаям мбути, могли бы показаться излишними, если бы не одно существенное наблюдение, принадлежащее исследовательнице систем брака Дж. Кваль (так у Ю.М. Иванова; я бы транслитерировал G. Gualle как Дж. Гуэйлл): «Только в индустриально-коммерческих обществах нашего времени заключение брака и супружеская жизнь – проблема прежде всего тех, кто женится. Это может показаться почти возвратом к прошлому, к отношениям собирателей-охотников. Таким образом, в широком смысле системы брака и связанные с ними порядки распоряжения собственностью, включая наследование, представляются в виде спирали, следующей эволюции экономических, социальных и политических отношений» (с. 14).

Учитывая, что «индустриально-коммерческие общества нашего времени» в таком понимании правильнее было бы назвать постиндустриальными, можно расширить указанное понимание «спирали» и разделить историю семейных отношений в общечеловеческом масштабе на три стадии: добольшесемейную (присваивающее хозяйство), большесемейную (производящее хозяйство), куда включается и моногамная семья, и послебольшесемейную (постиндустриальное хозяйство). Конечно, есть разные типы больших семей – от задруг с невыделением женатых братьев до нынешней сложной малой семьи, состоящей из супружеской пары и, например, тещи. И все же определенные «большесемейные» свойства присущи всем семьям, кроме

первобытных парных и нынешних постиндустриальных (охватывающих максимум два поколения: родителей и малолетних детей). При этом сходство парных и нуклеарных семей, доземледельческого и постиндустриального образа жизни проявляется по многим параметрам: по низкому уровню детности, отношениям родителей и детей, тенденции к равноправию супругов, легкости развода, простоте терминологии родства, балансу роли родителей и общества в целом в воспитании детей и даже по диетарным навыкам. Далеко не все эти параметры, противопоставляющие в равной мере ранние и поздние индивидуальные семьи большим, моногамным, многопоколенным семьям аграрного и раннеиндустриального обществ, отмечены в рецензируемой работе.

Ю.М. Иванов многократно указывает на те или иные ошибочные взгляды и положения Ф. Энгельса, но ошибочность всех этих частных положений уже давно всем этнографам ясна и известна. Гораздо большую ценность представляют те конструктивные обобщения, которые Ю.М. Иванов делает, исходя из хорошо известного ему африканского материала. Параллели ему можно найти и за пределами Африки, но в Африке в силу неразвитости у большинства ее народов классовых отношений особенности раннебольшесемейных форм бытия выступают особенно четко.

Возникновение большесемейной организации у многих народов Африки было тесно связано с развитием земледелия, что привело к более раннему, чем при охоте и собирательстве, использованию детского труда, заинтересованности родителей в фиксации принадлежности детей к семье, в их возможно большем количестве, переходу к матрилинейному счету родства, развитию предково-линиджной организации и вытеснению ею прежней организации – тотемно-родовой. Затем, с возрастанием роли мужчин в сельском хозяйстве, организация семьи становится все более патриархальной, даже если и остается матрилинейной. Но переходы эти совершались не в одночасье, поэтому в принципе глубоко различные линиджные и родовые формы социальной организации и счета родства длительное время, вплоть до современности, переплетались и сосуществовали.

Помимо этого на африканском материале, как показывает Ю.М. Иванов, особенно отчетливо видно, что складывавшиеся семейно-брачные отношения не ограничивались обслуживанием задачи воспроизводства человека, но становились как бы общей матрицей оформления всех социальных отношений, на что указывал еще Рэдклиф-Браун (с. 19). Поэтому у ряда племен пожилая женщина, овдовев, могла «жениться» и дети ее «жены», зачатые с санкции «мужа», соотносились с женщиной-«мужем» как с отцом (с. 6).

Однако возникновение государства сопровождается, по Ю.М. Иванову, борьбой с линиджно-семейными формами организации власти. «Возникла новая публичная власть, новый аппарат принуждения, отличный от того, которым располагали главы линиджей. Эту новую власть возглавили вожди, опирающиеся на дружины и отменяющие власть глав линиджей в сфере частного права» (с. 25).

Аналогичный процесс Ю.М. Иванов демонстрирует на древнеримском и древнегреческом (с. 40, 41), а также на шумерском и древнееврейском (с. 30–32) материалах. Все это вполне справедливо, но история знает и такие ситуации, когда государство в своем развитии может неопределенно долго, на протяжении ряда формаций, опираться на большесемейно-линиджные отношения, а не противопоставлять себя им. В Японии большая семья, *из* (где старший сын оставался с родителями, а младшие выделялись после женитьбы), и патрилинидж *додзоку* существовали на всех этапах истории. Даже сегодня в большинстве случаев брак рассматривается не как контракт между двумя индивидами, а как установление связей между двумя *из* и даже *додзоку*. Вплоть до 1945 г. юридически полноправными были только главы семей: они представляли перед законом всех членов семьи и отвечали за них.

Линидж *додзоку* сохранял свое значение на селе примерно до тех пор, пока межсемейная взаимопомощь при посадке риса оставалась технологически необходимой. И по сей день схема *додзоку* функциональна в отношениях искусственного родства, например в построении мафиозно-клановых организаций (*якудза*). Да и вся японская имперская идеология строилась на отождествлении нации со связанным общностью происхождения одним гигантским патрилиниджем с императором во главе.

Очевидно, интенсивное ограничение и усекновение развивающимся государством прерогатив больших семей и их глав характерны только для тех относительно немногочисленных обществ подобных древнеримскому эпохи царей, где патриархально-рабовладельческие отношения, почти уравнивавшие статус семейных рабов и бесправных младших членов семей, рано стали уступать место классическим цивилизно-рабовладельческим отношениям. Ничего подобного не происходило в раннефеодальных обществах, миновавших этап цивилизного рабовладения, как, скажем, в Японии или тем более на Северном Кавказе. Здесь большесемейно-линиджные (тайповые, тухумные и т.п.) отношения в значительной мере сохраняют свои функции социальных регуляторов даже сегодня.

В книге Ю.М. Иванова глава «Большая семья древнего мира» (с. 35–55) посвящена рабскому статусу членов такой семьи и постепенному обретению ими гражданского, гражданского статуса, вызреванию гражданского рабовладения из патриархального. Но что сказать об обществах, где такого вызревания не происходило? Заключительная глава «Большая семья на пороге средневековья» вновь возвращается к теме патриархально-феодальной эксплуатации домохозяев главой большой семьи в различных африканских обществах. Ю.М. Ивановым на основе обобщения обширного и интересного материала показано, что и большесемейные коллективы, и общины, из них состоявшие, отнюдь не основывавшиеся на «идиллических отношениях родственников, производительные связи которых строятся на принципах солидарности и взаимопомощи» (с. 63), служили основой для развития раннефеодальных отношений. В Европе переход от подсечно-переложного земледелия к постоянной обработке земли сделал ненужной большесемейную кооперацию, привел к замене собственно большой семьи семей малой, к закреплению постоянных участков в частную собственность.

Все это верно, но не носит характера общеисторической закономерности. Не говоря уже о специфике развития форм землевладения и семейной организации в Индии и Китае, где характер феодализма резко отличался от европейского, можно опять вспомнить Японию, где множество феодальных институтов кажутся почти что зеркальными копиями европейских. Но в Японии рабство, даже патриархальное, никогда не приобретало сколько-нибудь большого значения. Зато рабское положение младших членов семьи сохранялось в полной мере вплоть до первой половины XX в., вполне уживаясь с развитым капитализмом. Помимо вполне рабского положения невесток или зятьев-примаков, всевластия главы семьи над женой и сыновьями стоит вспомнить, что даже в XX в. и в Японии, и в Китае продажа отцом своих дочерей в публичные дома и на фабрики была вполне заурядным явлением.

Вряд ли можно создать какую-либо универсальную схему эволюции большесемейных отношений. Они могут сходить на нет в борьбе с политической организацией, как это имело место в античности. Они могут оставаться ячейкой феодально-рабских отношений, как в Японии. Они могут, во многом благодаря обычаю избегания и другим жестким этико-этикетным нормам, быть и в наши дни вполне приемлемой и комфортной формой семейного общежития, как во многих районах Северного Кавказа. Чаще всего, пожалуй, их эволюция от задружных к малосемейным формам идет через появление последних параллельно и внутри большесемейной экономики. Как я сам вместе с А.И. Мухлиновым наблюдал среди горных народов Вьетнама (*муонгов, тай* и др.), возделывание риса, питание, приобретение необходимых вещей ведутся большесемейно и контролируются главой семьи. Но младшие супружеские пары на свой страх и риск разводят кур и поросят и на вырученные от их продажи деньги приобретают «предметы роскоши» – украшения, «стильную» одежду и т.д.

Как пишет Р.А. Нагапетян (Семья и семейная обрядность у армян Ахдзника. Дис. канд. ист. наук. Ереван, 1986), еще в начале XX в. в Ахдзнике доминировала большая семья – «гердастан» с неразделенным хозяйством. Но мальчик-подросток мог заниматься выращиванием ягнят, которые принадлежали ему лично. Накопив деньги от их продажи, он распоряжался этими деньгами по своему усмотрению, вне контроля главы семьи. И подобные разнородные примеры можно было бы умножать до бесконечности. Видимо, многое зависит от конкретных исторических обстоятельств, и влияние экономики на социальные структуры проявляется только опосредованно через них. Любая универсальная схема, марксистская или какая-либо иная, в силу этого обстоятельства оказывается, как правило, очень уязвимой.

Как очерк истории большесемейных отношений и их роли в общей социальной истории человечества книга Ю.М. Иванова полезна и интересна, хотя и неполна (опирается в основном на африканский материал, практически игнорирует данные по Южной и Восточной Азии). Но что касается обещанной в заглавии критики марксистской схемы, то она касается исключительно частных, малозначащих, давно потерявших свое историко-познавательное значение положений. Поэтому я не вижу лучшего способа закончить эту рецензию, нежели привести предпоследний абзац самой рецензируемой книги: «Марксизм – дитя своей исторической эпохи со свойственным ей уровнем знаний и границами видения мирового исторического процесса. Но как бы мы сегодня ни критиковали оказавшиеся несостоятельными выдвинутые им положения, следует всегда помнить, что сделанные им такие великие открытия, как диалектический и исторический материализм, теория формационного развития (вспомним, однако, и Гегеля. – С.А.), теория прибавочной стоимости и т.д., стали достоянием науки. Разрабатываясь и дальше на уровне новых знаний, они служат и будут служить важнейшими инструментами познания окружающего нас мира» (с. 74).

С.А. Арутюнов